

© 2022

Виталий Бирюков

доктор экономических наук, профессор Омской гуманитарной академии (г. Омск, Россия)
(e-mail: sciencebv@gmail.com)

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ РАМКИ РАЗВИТИЯ МОНЕТАРНЫХ ТЕОРИЙ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

В статье рассмотрены особенности формирования парадигмальных рамок развития монетарных теорий. Показаны неоклассический тупик в разработке теории стоимости и парадигмальная ограниченность монетарных теорий мейнстрима. Раскрыта специфика когнитивного потенциала институционально-эволюционной теории денег К. Маркса, предложенной в рамках классической парадигмы. На данной основе рассмотрены особенности переосмысления парадигмальных рамок исследования монетарной проблематики в контексте использования идей классической традиции.

Ключевые слова: теория стоимости, деньги, монетарная теория, макроэкономика, классическая парадигма, этика, институты.

DOI: 10.31857/S020736760018277-3

Введение. Сложившиеся в современных условиях методы проведения экономической политики, в которой решающая роль придается денежно-кредитным инструментам, после финансового кризиса 2008–2009 гг. уже не позволяют получать желаемые результаты. Для радиального улучшения ситуации в экономике многие авторитетные экономисты указывают на необходимость смены самой модели ее развития [1]. Сложная природа происходящих в экономике процессов заставляет исследователей искать новые подходы к изучению макропроцессов, механизмов взаимосвязи денежных и реальных параметров экономической деятельности людей, переосмысливая утвердившиеся монетарные теории.

Особенности разработки концептуальных подходов к анализу роли денег в экономике сегодня характеризуется тем, что в экономической дисциплине, как отмечает В.М. Ефимов, возникла методологическая традиция игнорировать деньги [2. С. 7]. При этом Т. Лоусон утверждает, что в экономической теории отсутствует четкое понимание денег, хотя они занимают центральное место в современной экономике [3. Р. 851]. В современных монетарных теориях, как пишет С.Г. Кирдина-Чэндлер, деньги являются скорее формальным, чем реальным объектом исследования; множество современной литературы содержит, как правило, интерпретацию влияния денежно-кредитной политики с помощью проверки связей изменения предложения денег и валового выпуска или совокупных расходов [4. С. 37].

Следует учитывать, что в последние годы почти отовсюду идет критика теорий мейнстрима, которые опираются на неоклассическую модель поведения экономического эгоиста (*homo economicus*); хотя ее неадекватность подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями [5]. Парадокс состоит в том, что данная модель по-прежнему составляет ядро современного мейнстрима, определяя специфику создаваемых исследовательских стратегий, а также содержание экономических учебников. В связи с этим важным становится рассмотрение особенностей формирования парадигмальных рамок развития монетарных теорий мейнстрима и когнитивного потенциала классической традиции их изучения, наиболее полно представленной в теории денег К. Маркса, а также парадигмального изменения видения монетарной проблематики. Предложенный взгляд на эволюцию монетарных теорий основывается на сложившемся в рамках классической школы подходе к анализу процессов формирования дуалистических по своей природе стоимостных отношений субъектов экономики с учетом наличия у них этических мотивов поведения [6].

Неоклассический тупик в разработке теории стоимости и парадигмальная ограниченность монетарных теорий мейнстрима. Разрабатываемые концептуальные подходы к изучению феномена денег неизбежно опираются на те или иные теории стоимости и цены. Итогом развития представлений о стоимости в рамках экономического мейнстрима в XX в. стало, как утверждает У. Баумоль, создание П. Самуэльсоном и Дж. Хиксом на основе работ по теории полезности, выполненных в XIX в. Джевонсом и австрийцами, теории стоимости, небывалой глубины и аналитической мощи. Но эта теория, как он признает, не нашла отражения в учебниках, так как оказалась важной не для общества, а лишь для группы специалистов. Центральные главы по микроэкономике сохранились маршаллианскими, в них спрос и кривые спроса интерпретируются на основе полезности в кардиналистском или ординалистском понимании [7. С. 75–76, 85]. Вместе с тем триумфальное шествие неоклассической теории стоимости во многом сложилось на основе замалчивания того, что все попытки создания этически нейтральной теории заканчивались неизбежно признанием когнитивного тупика.

Вопреки распространенным представлениям заслугой сторонников концепции субъективной полезности не является открытие кривой спроса, ее признание возникло в экономической науке задолго до появления этой концепции, поскольку очевидно, что при снижении цен покупательная способность доходов людей растет; кроме того, описание связи спроса и предложения имеется в классической теории стоимости. Так, А. Пирс писал, что уже с появлением цены у людей формируется знание истин, которые рассматриваются в теории потребительского спроса и выражаются в кривой спроса, характеризующей наличие обратной связи между спросом и ценой. Он обращает внимание на ошибочность

утверждений об игнорировании спроса классической теорией, поскольку представления Смита и Рикардо о связи спроса и предложения не отличаются существенно от интерпретации этой связи Джевонсом, Менгером и Маршаллом [8. С. 317].

Следует отметить, что являющийся сторонником разработки теории полезности Дж. Винер в своей известной статье, опубликованной в 1925 г., констатировал следующее. Во-первых, в научных изданиях доминировала острая критика этой теории; ее психология считается устаревшей, логика – ошибочной, доводы запутаны и вращаются в порочном кругу, выводы имеют классовую направленность, а гедонизм и рационализм не являются основными характеристиками поведения человека. Во-вторых, во многом благодаря работам экономистов-математиков была признана ошибочность представлений Джевонса и австрийцев о тождественности графиков полезности в денежном выражении с графиком спроса; цена перестала рассматриваться как мера полезности для разных людей, поскольку равенство цен не означает равную полезность для разных людей. Кроме того, Винер указывает на парадигмальную ограниченность теории полезности: рыночная цена является групповой нормой поведения субъектов рынка, поэтому ее нельзя вывести из индивидуалистических норм, соответствующих теории полезности [9].

Фундаментальные изъяны неоклассического подхода вызвали необходимость уже в 1930-х годах разделения экономической теории на микро- и макроэкономику; но и это не позволяет на основе методологического индивидуализма обосновать возникновение одной цены товара на рынке. Так, ещё в середине XX в. М. Редер и Т. Скитовски указывают на то, что исходя из неоклассического подхода нельзя объяснить появление на конкурентном рынке в каждый данный момент одной цены [10], [11. Р. 16]. В 1951 г. К. Эрроу доказывает «теорему невозможности», вызвавшую эффект разорвавшейся бомбы; из нее следует, что в рамках неоклассической парадигмы невозможно обосновать трансформацию индивидуальных предпочтений в коллективные. Как отмечает В.М. Полтерович, все многочисленные попытки сформулировать модель обмена в качестве теоретической основы изучения рынка оказываются безуспешными [12. С. 101–102]. Например, в соответствии с теоремой Зонненшайна–Мантеля–Дебре агрегированная кривая спроса, в отличие от моделей из учебников, способна принять практически произвольную форму, хотя индивидуальные кривые спроса могут быть наклонены вниз.

Использование неоклассиками модели спроса и предложения, как показывает Эрроу, порождает ошибочное впечатление о теоретическом обосновании рыночной цены. Он пишет, что в любом учебнике и книге по экономике при рассмотрении функций спроса и предложения субъекты рынка принимают цену, как возникшую под влиянием внешней (экзогенной) силы. Неоклассическая модель может применяться при изучении некоторых явлений; но ее индивидуалистическая конструкция не даёт ответа на вопрос, чье решение

определяет изменение цен. Утверждение о возникновении одной цены на рынке (закон безразличия Джевонса) объясняется стремлением его участников максимизировать прибыль или полезность; но в условиях неравновесия это не приводит к появлению одной цены [13].

Сама трактовка цены как групповой нормы рыночного обмена с позиции утилитаристской этики является бессмысленной. В неоклассической теории функция спроса, как показывает академик А.Д. Некипелов, характеризует решения коллективного субъекта, у которого нет своей системы предпочтений, поэтому рушится вся концепция рыночного равновесия [14. С. 25]. В маршаллианской модели цена рассматривается как экзогенная переменная, как приятный подарок [13. С. 434]. Но в учебниках и многочисленных публикациях это как бы не замечается. Парадокс заключается в том, что в связи с отсутствием собственной теории стоимости и цены неоклассики, критикуя классическую теорию на основе искаженной ее интерпретации, неизбежно вынуждены заимствовать ее идеи, скрывая это с помощью маржиналистской риторики. Празднование победы неоклассики обеспечивают на основе мифа об этической нейтральности их подхода, фундаментальных изъянах теории трудовой стоимости и парадигмальных достоинствах ее неоклассической версии.

Неоклассический подход порождает неразрешимые проблемы при разработке теории денег. В связи с этим еще Й. Шумпетер утверждал, что «в случае денег невозможно сделать то, что можно сделать в любом другом случае – вывести их меновую стоимость из функций предельной полезности» [16. С. 1434]. Невозможность с помощью неоклассической версии теории стоимости объяснить феномен денег является следствием того, что рассмотрение отношений и связей субъектов рынка сквозь призму модели поведения экономического эгоиста не позволяет правдоподобно их описать, так как требуется учитывать ценностно-институциональный аспект их взаимодействий. Критика этой модели возникла уже в период ее появления. Система контрактного права, как показал Э. Дюркгейм, предполагает использование «неконтрактных» регуляторов в виде социальных норм [15]; из этого исходят сегодня и представители институционализма, возникшего на основе работ Т. Веблена, а также многие критики модели *home eponomicus*.

Деньги выполняют свойственные им функции, поскольку выступают общепринятыми данным сообществом. Фундаментальная особенность денег состоит в том, что они являются общественным феноменом, специфическим социальным институтом [17]. С помощью денег формируются экономические связи на микро- и макроуровне, что требует и признания институциональной природы этих связей, а также отказа от неоклассической версии теории стоимости и цены. Однако в экономическом мейнстриме данная версия сохраняется, поэтому денежные теории стали рассматриваться в рамках макроэкономического анализа. Признание институциональной природы денег способствует

широкому распространению различных теорий, в которых фокусируется внимание на значимости разных аспектов изучения функционирования денежных систем, связанных с использованием неформальных и формальных институтов. Парадигмальная ограниченность разрабатываемых денежных теорий мейнстрима определяется тем, что в связи с опорой на методологический индивидуализм деньги как экономический институт неизбежно выступают необъяснимым, экзогенным феноменом. Поэтому возникают различные версии экзогенной теории денег, хотя сегодня экзогенной принято считать лишь государственную теорию денег.

В настоящее время значительное распространение получила товарная теория денег, сторонники которой полагают, что деньги — это товар особого рода. В неоклассической версии обычно указывается на то, что эволюция рыночных отношений породила неотвратимую тенденцию, в ходе которой выявляются менее обмениваемые блага, что приводит к появлению одного товара, который универсально используется как средство обмена, как деньги [18. С. 26]. Сегодня, как утверждает Й. Хубер, часто происхождение и природа денег интерпретируется так, как это представлено в классической теории, например, у Смита, и в неоклассике — у Менгера (австрийская школа). Согласно данной точке зрения деньги возникают в процессе архаичного бартера для облегчения обмена товарами. Деньги являются товаром и, как любой другой товар, относятся к частной сфере [19. Р. 35]. В товарной теории деньги выступают как специфический неформальный институт; они выполняют свои функции в связи с признанием мерой стоимости золотого стандарта; поэтому деньги рассматриваются как обладающие своей внутренней субстанцией. Однако, как указывает У. Бьерг, для того, чтобы золото выполняло функцию денег, уже должна существовать денежная система, с помощью которой определяется ценность благ [20. С. 111].

Невозможность объяснения в рамках мейнстрима наличия общей ценностной системы, позволяющей субъектам соизмерять ценность благ, способствует отказу от товарной теории денег и активному распространению идей государственной теории, в которой отрицается наличие у денег своей субстанции, имеющей внутреннюю ценность. Так, Г.Ф. Кнапп в государственной, или хартальной теории денег, представленной в его известной работе «Государственная теория денег» (1905 г.), утверждал, что деньги являются юридическим феноменом, их ценность определяется только решениями государственной власти [21]. Сегодня в рамках государственной теории обращается внимание на важную роль государства в формировании денежных систем, зависящих не только от неформальных институтов, но и от формальных. Поэтому деньги выполняют свои функции в соответствии с правилами денежной системы как социального института. Данные правила поддерживаются государством и доверием к нему людей, а также привычкой и верой в покупательную и платежную силу денег [2. С. 8].

Возрастание роли глобализационных факторов существенно усложнило решение проблем регулирования национальной экономики и способствует распространению идей государственной теории денег, представленной в концепции суверенных денег Й. Хубера. В данной концепции фокусируется внимание на значимость создания государством адекватных реалиям институциональных регуляторов, формирующих денежную систему. При этом все деньги выступают как кредитные деньги; их обеспечение определяется результатами экономической деятельности — объемом и качеством товаров и услуг. Деньги приобретают ценность при наличии платежеспособных заемщиков и результатов их труда, а также института поручительства. По мнению Хубера, для поддержания экономической стабильности необходимо радикально изменить денежно-кредитную сферу: банковские кредитные деньги требуется заменить на суверенные деньги, эмитентом которых должен быть государственный центральный банк; большую часть суверенных денег следует предоставлять государственным предприятиям безвозвратно и без процентов; меньшую их часть можно направлять на рынок межбанковского кредитования для обслуживания производительных инвестиций [19].

Использование неоклассического подхода, игнорирующего значимость денег как особого институционального феномена, не позволяет реалистично описывать появление макроравновесия в экономике. Несостоятельность анализа неоклассиками макропроцессов на основе положения о нейтральности денег была признана в ходе эволюции монетарных теорий в прошлом веке, происходившей под влиянием их дискуссии с неокейнсианцами. Следует отметить, что ещё Л. Вальрас сделал несколько безуспешных попыток включить в анализ общего равновесия «предельную полезность денег» [22. С. 246–247]. Однако, как отмечал Й. Шумпетер, не существует такой вещи, как нейтральные деньги; но это понятие оказало ценную услугу, показав свою неприменимость [15. С. 1432–1433].

Большинство классиков, как показывает Т. Хэмфри, считали, что нейтральность денег свойственна краткосрочному периоду, а нейтральность в лучшем случае возможна в долгосрочном периоде [23]. Именно опора во многом на классическую традицию позволила Дж. Кейнсу предложить макроконцепцию, которая опровергает постулаты неоклассической теории и часто рассматривается как кейнсианская революция. При этом выбор единиц измерения он назвал первой из основных трудностей, с которыми столкнулся при разработке своей теории. Кейнс указывал, что ему близка доктрина, согласно которой все производится трудом, поэтому принял единицу труда в качестве единственной физической единицы, необходимой для изучения макропроцессов, наряду с единицами денег и времени [24. С. 161, 302–303]. Как отмечает его ученик П. Дэвидсон, Кейнс считал, что деньги играют важную роль в долгосрочном и краткосрочном периодах, то есть предпочтение

денежной ликвидности не нейтрально. Важным были для Кейнса и неопределенность будущего; это позволило логически обосновать, почему неоклассический закон Сэя не соответствует действительности [25. С. 85].

Кейнсианская традиция представляет собой нечто большее, чем просто описание макроэкономических процессов, способных вызвать недостаточность совокупного спроса и требующих вмешательства государства в экономику. В этой традиции изучение макропроцессов предполагает поворот к идеям классической школы, связанных с признанием значимости денег и влияния институциональной среды на экономическое поведение людей. Однако возникший некейнсианский поворот оказался противоречивым; он во многом сопровождался разработкой подходов, основанных на разном сочетании элементов классического и неоклассического подходов. Данное обстоятельство определяет особенности формирования парадигмальных рамок исследовательских стратегий некейнсианцев, их достоинств и недостатков. В связи с этим важным является прояснение когнитивного потенциала разработанной в рамках классической парадигмы теории денег Маркса, являющегося основанием эволюционного направления их изучения.

Теория денег К. Маркса. Денежная теория Маркса разрабатывалась в рамках классического подхода к анализу стоимости как экономико-ценностного феномена. Возникший в прошлом веке антиэтический переворот опирался на «изъятие» этики из работ А. Смита, в результате сложилось отождествление «экономического человека» мейнстрима с «экономическим человеком» А. Смита. Однако Смит и классики политической экономии рассматривали поведение людей как этически ориентированное. Они исходили из того, что для обеспечения устойчивого развития экономики рыночный обмен должен происходить на справедливой, добровольной и взаимовыгодной основе. В отличие от неоклассики в классической теории рыночная цена не является экзогенной переменной, она становится общепризнанной нормой рыночных обменов, зависящей от соотношения спроса и предложения. Поэтому естественная цена рассматривается как возникающая в условиях равновесия справедливая цена; а отклонение от нее рыночной цены выступает как справедливая оценка меновой ценности товара в данной ситуации и средство формирования естественной цены.

Сложившийся в рамках классической школы подход к рассмотрению роли денег в экономике как институциональному феномену, который позволяет на основе установившейся традиции формировать коллективные ценностные представления о рыночной цене, восходит еще к идеям Аристотеля. Его рассуждения сводятся к тому, что деньги (монета) как экономический феномен возникают по уговору между людьми, с их помощью происходит обмен продуктами труда на основе соизмерения выполненной работы и оценивания справедливости обмена. Следуя аристотелевской традиции, А. Смит считал,

что формирование на рынке цен происходит путем использования денег, которые выполняют роль всеобщего эквивалента, поскольку основой меновой стоимости товаров является труд.

Для поиска путей решения современных проблем развития монетарных систем теория денег Маркса имеет особую значимость. Его теория эволюции форм стоимости и денег, как отмечает А.Н. Дубянский, сыграла важную роль в понимании процессов развития капиталистической экономики, хотя, как и любая научная теория, она не лишена недостатков [26. С. 153]. В соответствии с классической парадигмой исходная позиция изучения феномена денег Маркса состоит в том, что процесс рыночного обмена происходит не на основе индивидуалистических предпочтений покупателей и продавцов, а представляет собой общественный процесс обмена. Этот процесс анализируется как закономерное явление, свойственное поведению субъектов экономики на определенной стадии ее развития в связи со сложившимися у них ценностно-нормативными представлениями. Поэтому опосредованный денежной формой рыночный обмен складывается на основе использования общественно значимых, следовательно, объективных мыслительных форм для производственных отношений данного способа производства – товарного производства [27. С. 86].

Происходящее сегодня концептуальное переосмысление представлений о развитии экономики в краткосрочном и долгосрочном периодах сопровождается разработкой подходов, ориентированных на изучение взаимосвязи номинальных и реальных параметров под влиянием ценностно-институциональных факторов. В связи с этим актуализируется значимость разработанного Марксом институционально-эволюционного подхода к анализу денег, на основе которого в отличие от неоклассической версии товарной теории денег он предложил эндогенную теорию, которая создает принципиально иные познавательные возможности для понимания роли денег как особого феномена, относящегося к общественной сфере. В рамках его теории деньги выступают общепризнанной формой проявления стоимости, которая является свойством не отдельного товара, а всей массы произведенных товаров, особым структурным элементом системы товарного производства и обращения.

При разработке денежной теории Маркс исходил из того, что стоимость товара имеет значение основы, только из этого основания могут быть развиты понятия деньги [28. С. 211]. Деньги им рассматриваются как результат эволюции форм стоимости в ходе становления рыночных отношений обмена. Они становятся формой проявления имманентной товарам меры стоимости – рабочего времени [27. С. 104]. Смена форм стоимости и переход к денежной форме приводит к тому, что всеобщая эквивалентная форма срастается в силу общественной привычки с натуральной формой товара – золото [27. С. 80]. Золото как специфический товар приобретает особые общественные

свойства, что позволяет ему выполнять роль денег и создает возможность использовать их бумажный символ. В дальнейшем они выступают в символической форме — простого знака стоимости. Предложенный Марксом подход к анализу денег как специфическому институциональному феномену предполагает, что дееспособность денежных систем обеспечивается с помощью не только неформальных норм, но также и формальных правил, установленных государством. Поэтому он указывает, что общественную значимость бумажный символ денег получает при помощи государственного принуждения — принудительного курса [27. С. 140].

Раскрывая функции денег, Маркс показал несостоятельность закона Сэя, в соответствии с которым неоклассики в XX в. безрезультатно попытались обосновать нейтральность денег. Он писал, что «трудно представить себе что-либо более плоское, чем догмат, будто товарное обращение обязательно создает равновесие между куплями и продажами» [27. С. 123]. В своей теории денег Маркс предложил формулу денежного обращения, учитывающую показатель суммы цен товаров. Этим она, как отмечает В. Бурлачков, выгодно отличается от формул, которые сегодня обычно включают показатель валового внутреннего продукта (ВВП). Классики XIX в. считали, что прирост денежной массы определяется приростом добавленной стоимости. В монетаризме это выражается в денежном правиле: темп роста денежного предложения должен соответствовать темпу роста ВВП. Но потребность в деньгах зависит не от изменения ВВП, а от изменения показателя объема сделок, близкого к ранее распространенному в нашей стране показателю общественного продукта [29. С. 132–133].

При изучении влияния процессов денежного обращения на развитие экономики в краткосрочном и долгосрочном периодах сегодня обращается внимание на исследование Марксом того обстоятельства, что в результате исторического развития товарного производства наряду с простым товарно-денежным обменом, возникают отношения, способствующие превращению денег в капитал. В связи с этим у денег появляется дополнительная функция, что важно учитывать при анализе денежного обращения. Так, рассматривая в первом томе «Капитала» процесс превращения денег в капитал, Маркс показал различные способы увеличения стоимости авансированного капитала. Во втором томе «Капитала» он разработал теорию обращения капитала, в рамках которой раскрыл процесс превращения денежного капитала в другие формы капитала. В связи с этим академик В.И. Маевский указывает, что эти положения Маркса были использованы при построении теории и модели переключающегося режима воспроизводства капитала. В частности, формулировка «феномена капитализации денег» заимствована из его теории превращения «просто денег» в денежный капитал [30. С. 12].

Следуя традиции классической политэкономии, Маркс изучал происходящие в экономике воспроизводственные процессы через призму сложившейся

в ней институциональной системы, которая определяет особенности социально-классовой дифференциации общества и доступе ресурсам, норм экономического взаимодействия различных групп людей, имеющих разные интересы. Он показал, что циклический характер капиталистического воспроизводства, связанный с обновлением основного капитала, сопровождается периодическими кризисами. В погоне за прибылью, как писал Маркс, с одной стороны, капиталист стремится увеличить предложение товаров, а с другой – сдерживает зарплату и спрос на товары, что порождает диспропорции между производством и доходами населения. «Конфликт противодействующих друг другу факторов периодически выливается в кризисы, которые всегда представляют собой только временное насильственное разрешение существующих противоречий» [31. С. 273].

Возникшая в рамках классической школы товарная теория денег способствовала появлению представлений о формировании номинальных и реальных макропоказателей. Уже у Монтескье складывается понимание того, что весь мир товаров можно рассматривать в виде совокупного продукта, соответствующей частью которого является каждый отдельный товар. Если всю массу товаров оценивать некоторым количеством денег в виде золота, то каждому из них соответствует определенная доля всей массы золота. Маркс критически отнесся к данному утверждению Монтескье [27. С. 134–135]. Однако при анализе процесса воспроизводства он использует понятие совокупный общественный продукт, выделяя его натурально-величественную и стоимостную форму. В связи с этим деньги могут рассматриваться как общепринятый символ некоторой части стоимости совокупного продукта, которая соответствует доле затрат общественного времени, сложившейся при данном уровне производительности труда.

Разработанный Марксом подход к анализу стоимости и денег основан на формировании у субъектов общей ценностно-нормативной системы, предполагающей экономическое оценивание благ, исходя из затрат общественно необходимого труда; но предложенная система оценивания оказалась незавершённой. Сведение стоимости к количественной оценке затрат общественного труда в соответствии со сложившейся в рамках классической теории традицией определило особенности формирования возникающих проблем при интерпретации стоимости и денег, а также описании денежных систем. При объяснении эволюции денег Маркс указывает, что золото является носителем стоимости, измеряемой затратами общественного времени на его добычу и переработку. Однако остается вопрос об определении реальной стоимости результатов труда, поскольку нельзя измерить величину стоимости через количество труда, если не установлены параметры качественной оценки [26. С. 163]. Фокусирование внимания Марксом на значимости количественных характеристик общественного времени способствовало появлению у него представления о том, что изменение количества денег не влияет на их ценность.

Таким образом, происходящий сегодня поворот в изучении монетарных систем повышает значимость разработанной Марксом институционально-эволюционной теории денег. Однако данная теория содержит ряд противоречий, связанных со сложившейся в рамках классической школы традицией фокусирования внимания на количественном аспекте значимости затрат общественного труда.

Парадигмальное переосмысление феномена денег. В макротеориях мейнстрима экономические параметры рассматриваются как некие агрегированные показатели, которые выступают экзогенными, так как являются бессмысленными с позиции методологического индивидуализма. Классическая парадигма исходит из признания этических мотивов поведения субъектов экономики, что позволяет изучать макропоказатели как эндогенные феномены, характеризующие сложную взаимосвязь реальных и денежных измерителей затрат и результатов экономической деятельности с учетом особенностей временного контекста. Вместе с тем в рамках классической теории возникли противоречивые интерпретации структуры общественного продукта. Так, Смит справедливо утверждал, что произведенный общественный продукт выражает затраты труда, осуществленного только в текущем году; однако он предложил рассматривать стоимостную структуру общественного продукта как состоящую из доходов в виде заработной платы, прибыли и ренты. В свою очередь, Маркс указывал, что Смит забывает добавить постоянный капитал, который был употреблен на производство годового продукта; но Маркс не обратил внимание на то, что расходы по воспроизводству потребленного основного капитала выражают часть затрат труда текущего года, которая входит в состав ВВП [6].

Для переосмысления содержательного смысла феномена денег важно учитывать, что аристотелевская трактовка справедливого обмена предполагает обеспечение равенства выполненных работ. Величина выполненной работы зависит не только от количества труда, но и от его производительности. Классики политэкономии акцентировали внимание на то, что при обмене величина выполненной работы устанавливается на основе определения количества затрат труда исходя из сложившегося среднего уровня его производительности (и сложности). Вместе с тем Смит считал годовой труд нации истинным источником богатства, и результаты выполненной обществом полезной работы он рассматривал под углом зрения развития разделения труда и роста его производительности. При этом он фактически устанавливает исходную форму зависимости реальной величины продукта Y от величины выполненной работы, т.е. от производительности труда A и затрат совокупного времени общества T , или $Y=A \times T$. К. Маркс также утверждал, что повышение производительности труда совокупного работника приводит к росту совокупного результата полезных работ, большему количеству потребительной стоимости и вещественного богатства [27. С. 50, 55].

Для понимания особенностей формирования складывающейся в обществе ценностно-экономической системы, позволяющей сравнивать с помощью денег стоимость всех товаров, важно учитывать, что денежная оценка совокупного продукта общества Yp зависит от его реальной величины Y и покупательной способности денежной единицы P , т.е. $Yp = P \times Y$ или $Yp = P \times A \times T$. Используемая в экономике денежная единица Mu является эквивалентом некоторой части созданного валового внутреннего продукта, величина которой определяется сложившейся покупательной способностью денежной единицы P и соответствующей величиной части реального продукта Yu , т.е. $Mu = P \times Yu$ или $Mu = P \times A \times tu$, где tu – величина общественного времени, необходимого для производства реального продукта Yu .

Таким образом, для преодоления трудностей интерпретации феномена денег необходимо учитывать, что в соответствии с логикой Маркса деньги являются общепринятым измерителем некоторой величины выполненной субъектом экономики полезной работы и созданной в связи с этим эквивалентом соответствующей части стоимости совокупного продукта, затраты общественного времени на производство которой зависят от уровня производительности общественного труда (ценности времени). Выражая взаимосвязь качественных и количественных характеристик параметров экономической деятельности, деньги выступают реальным феноменом. Выполняя роль всеобщего эквивалента, они позволяют оценивать складывающиеся во времени и пространстве различия в создаваемой ценности благ, обусловленные разной величиной выполненной полезной работы. На данной основе появляется возможность более реалистично интерпретировать другие функции денег – функцию средства обращения, средства платежа по долговым обязательствам и контрактам, средства накопления (хранения запаса общей покупательной способности) и мировых денег.

Сложившаяся в рамках мейнстрима традиция понимания государства как субъекта, который находится вне экономической системы и деятельность которого выступает как внешнее вмешательство в неё, способствует разработке государственной теории денег как экзогенного феномена. Вместе с тем соответствующий классической парадигме институционально-эволюционный подход ориентирует на изучение денежной системы, поддерживаемой неформальными нормами и создаваемыми государством формальными институтами. При этом государство требуется рассматривать в качестве особого экономического субъекта, являющегося организатором и координатором трансформации институциональной системы экономики [32]. Важной функцией государства на всех исторических этапах эволюции национальных экономик выступало и поддержание институциональной надежности отношений обмена и денежной системы. Предложенное понимание природы денег ориентирует на изучение эндогенной связи денежной массы и трансформации экономики,

которая определяет динамику производительности экономической деятельности и покупательной способности денег в связи с изменением поведения субъектов, возникающим под влиянием ожидаемых экономических перемен в краткосрочном и долгосрочном периодах.

Деньги являются самостоятельным, а не вспомогательным феноменом; они выступают ключевым инструментом экономического оценивания и выбора производителями на основе сравнения цен и затрат эффективного варианта экономических действий и взаимодействий, способствующих росту создаваемой добавленной стоимости и, в конечном счете, росту производства ВВП. Сегодня часто указывается на то, что использование денег позволяет каждому участнику рынка с учетом наличия в ценах огромного количества информации осуществлять адаптацию своих планов к планам всех других рыночных участников. Кроме того, деньги как социальный институт влияют на другие институты, на создание новых правил и отношений [17]. Вместе с тем понимание уникальной роли денег в содействии координации множества целевых ориентиров субъектов экономики возможно лишь на основе признания в соответствии с классической парадигмой наличия у них общих ценностно-нормативных представлений. Измерение получаемых выгод и издержек с помощью денег позволяет определять предпочтительную модель поведения и конструирования институциональных связей на разных уровнях экономики с учетом последствий изменения деловой среды.

Происходящий отбор конкурентоспособных монетарных теорий во многом определяется своеобразием формирования парадигмальных основ, возникающих в связи с интерпретацией кейнсианской традиции с учетом значимости идей классической школы. Ранние кейнсианцы (Дж. Хинкс, П. Самуэльсон, Ф. Модильяни и Дж. Тобин) предложили так называемый «неоклассическо-кейнсианский синтез», в рамках которого положения неоклассиков соответствовали долгосрочному периоду, но в краткосрочном периоде возникают процессы, описанные Кейнсом. Данная трактовка кейнсианского подхода способствовала возрождению к концу 1960-х годов неоклассического направления, в рамках которого благодаря ведущему идеологу монетаризма Фридмену понятие ожиданий стало играть в макроэкономике центральную роль. На рубеже 1970–1980-х годов появляется волна исследований, ориентированная на радикальный разрыв с теорией Кейнса (Р. Лукас, Р. Бэрроу, Т. Сарджент, Н. Уоллес, Ф. Кюдланд, Э. Прескотт, Дж. Лонге, Э. Плоссер). Новые классики показали ограниченность макротеории, не учитывающей значимость осмысления субъектами меняющейся среды и возникающих на этой основе ожиданий. Однако предложенные модели игнорировали влияние институциональной среды и монетарной политики.

Предпринятые сторонниками кейнсианского подхода усилия по углубленному анализу макропроцессов вызвали рост его влияния во многом благодаря

работам «американской» группы посткейнсианских экономистов (В. Чик, А. Эйхнер, Я. Крегель, Х. Мински, Б. Мур, Дж. Шэкл, С. Вайнтрауб, П. Дэвидсон) [25. С. 83]. Новые кейнсианцы предложили модели, позволяющие объяснить взаимодействия рынков в условиях жесткости цен, а также роль ожиданий и стимулов тех, кто принимает решения об изменении цен. Итогом развития монетарных теорий к концу XX в. стало доминирование в мейнстриме неокейнсианского подхода. В результате, как утверждает Н.Г. Мэнкью, была достигнута контрреволюционная цель – защитить неоклассическо-кейнсианский синтез от нападков неоклассиков [33. С. 92, 95]. Однако, как утверждает П. Дэвидсон, сложившаяся версия макротеории свидетельствует о том, что «кейнсианская революция», если интерпретировать это понятие как разрыв с неоклассическим мышлением, не состоялась [25. С. 83].

Возрождение кейнсианской традиции П. Дэвидсон фактически связывает с поворотом к идеям классической школы, отказом от установок неоклассическо-кейнсианского синтеза и важности изучения макропараметров с учетом влияния институциональных факторов – соглашений о заработной плате и поставках, торговых и кредитных контрактов и др. Он фокусирует внимание на то, что анализ взаимодействия совокупного спроса и совокупного предложения в рамках данной традиции не может проводиться на основе неоклассической теории занятости и заработной платы и предполагает замену принципа ценообразования по предельным издержкам принципом ценообразования по полным издержкам [25], [34]. При этом валовый выпуск выступает как совокупная величина добавленной стоимости и состоит из расходов по выплате заработной платы и валового дохода (валовой прибыли) от капитала, включающего амортизационную составляющую (называемую Дж. Робинсон квази-рентой). В соответствии с классической парадигмой в создании стоимости валового выпуска особая значимость придается трудовой деятельности людей, поэтому в изучении движения уровня цен P_s важную роль выполняет уравнение совокупного предложения $Z: Z = P_s \times Y = (1 + m^*) \times w \times N$, где Y – величина реального совокупного выпуска, w – расходы на оплату труда одного работающего, m^* – коэффициент «накидка» на расходы по оплате труда, N – совокупная численность занятых в экономике. В связи с этим цена совокупного предложения выражает зависимость от соотношения суммы денежных доходов от труда и капитала и производительности труда A , т.е. $P_s = (1 + m^*) \times w / A$, где $A = Y / N$ – показатель производительности труда, фактически характеризующий величину реального выпуска на единицу затрат совокупного времени.

В рамках кейнсианской традиции П. Дэвидсон предпринимает попытку обосновать появление одной «абсолютной цены» в качестве всеобщего масштаба, к которому приспособляются все остальные цены [34. С. 411]. Неокейнсианцы макропараметр производительности труда интерпретируют упрощенно, как агрегированный факторный показатель. В связи с этим

П. Дэвидсон особое внимание обращает на различие между ролью заработной платы и ролью всех остальных цен, которое носит не количественный, а принципиальный характер. Он указывает, что контрактные обязательства привязываются к цене поставляемых товаров; в ее основе лежит соотношение между заработной платой и производительностью труда. Среди всех институциональных соглашений договор, регулирующий размеры заработной платы, несомненно оказывается наиболее фундаментальным [34. С. 408, 417].

Разработку неортодоксального подхода П. Дэвидсон предлагает осуществлять исходя из соответствующих классической традиции представлений Кейнса о ненейтральности денег в краткосрочном и долгосрочном периодах. При этом функция совокупного предложения Z фактически интерпретируется как выражающая зависимость ожидаемой выручки предпринимателей от покупательной способности денег P , производительности труда A и уровня занятости T , т.е. $Z=P \times A \times T$. Она показывает, что с ростом ожидаемой выручки увеличивается число привлеченных рабочих. Функция совокупного спроса D выражает расходы покупателей при данном уровне занятости и включает два подмножества: $D=D1+D2$, где $D1$ – все расходы, которые зависят от уровня совокупного дохода, и, таким образом, от уровня занятости $T1$, т.е. $D1=P \times A \times T1$; $D2$ – представляет собой ту часть совокупного спроса, которая определяется спросом на инвестиции и связана с затратами совокупного времени общества $T2$, т.е. $D2=P \times A \times T2$. Совокупный спрос зависит от доходов, формирующих спрос на потребительские и инвестиционные блага, что определяет возникновение пропорций между двумя подразделениями общественного производства, исследованных Марксом. В этих условиях предприниматели должны иметь возможность финансировать инвестиции, заимствуя средства в банковской системе [25. С. 86–87].

Используемый в рамках классической парадигмы ценностно-институциональный подход к изучению феномена денег способствует выработке не только более содержательного понимания общих основ взаимосвязи совокупного спроса и совокупного предложения, но и ориентирует на выбор модели монетарной политики, адекватной реалиям развития экономики. Сегодня в соответствии с институционально-эволюционной традицией некейнсианцы обращают внимание на то, что деньги всегда используются в рамках определенных социально-экономических отношений, которые порождают разные виды денежных систем под влиянием своеобразия исторического развития отдельных стран [35. С. 76]. В условиях институциональных дисфункций доминирующие группы создают монетарный порядок, позволяющий контролировать финансовые потоки и перераспределять доходы; но механизмы власти при монетарном порядке во многом скрываются [2. С. 15]. Деньги выступают ключевым инструментом власти, с их помощью формируются модели трансформации институтов и взаимосвязи экономических интересов, которые

определяют успешность развития экономики. При этом чем выше складывается уровень дисбаланса экономических интересов, тем больше проблем и негативных процессов возникает в экономике [32].

В 1990-е годы мировая экономика вступила в новую фазу своего развития, связанную с реализацией неолиберального проекта, ослаблением регулирования государством финансовых рынков и ростом в экономике квазиденег. Происходящие после глобального кризиса 2008–2009 гг. попытки реализации макроэкономической политики, основанной на доминировании денежно-кредитных инструментов, свидетельствуют о неудовлетворительности сложившихся макротеорий мейнстрима, их слабой связи с реальными процессами. Сегодня формируется новая волна монетарных исследований во многом под влиянием борьбы мнений противников и сторонников «современной денежной теории» (Modern Monetary Theory, ММТ), возникшей в конце прошлого века.

Новое неортодоксальное направление в изучении монетарных систем основано на положениях марксизма, посткейнсианства и нового институционализма [36], [37]. Данное направление сформировали экономисты из США – У. Мослер, Р. Рей, С. Келтон, П. Чернева, Дж. Гэлбрейт (сын видного экономиста Дж. Гэлбрейта), а также из Австралии – У. Митчелл и М. Уоттс. Сторонники неортодоксального подхода указывают на то, что несостоятельность макротеорий мейнстрима обусловливается неадекватной интерпретацией роли государства в экономике и абсолютизацией значимости «невидимой руки» рынка. В рамках данного подхода суверенное правительство рассматривается как особый субъект экономики; центральный банк выступает агентом правительства, финансирующим его расходы. Государство обеспечивает полную занятость и экономический рост на основе бюджетных расходов с учетом того, что инфляция возникает при их избыточности в условиях полной занятости; контроль над инфляцией осуществляется с помощью не денежно-кредитной, а налогово-бюджетной политики, изменения налогов и выпуска государственных облигаций. Сегодня сложилось неоднозначное отношение к новой монетарной теории; целый ряд ученых ее поддерживают, но многие выступают с резкой критикой. Вместе с тем в условиях пандемии COVID-19 и угроз развития кризисных процессов наблюдается рост числа ведущих стран мира, в которых используются отдельные рекомендации новой макротеории. Это связано с признанием ограниченности позитивного потенциала денежно-кредитной политики и важности налогово-бюджетных мер, реализуемых в рамках антикризисных программ количественного и кредитного смягчения.

Сложившиеся в российской экономике стагнационные процессы и необходимость разработки адекватного ответа на новые стратегические вызовы порождают настоятельную потребность смены устаревшей модели макроэкономической политики, основанной на абсолютизации значимости денежно-

кредитных инструментов. В контексте происходящего концептуального переосмотра монетарной политики сегодня начинаются и в нашей стране обсуждения рекомендаций современной денежной теории (ММТ); рассматриваются нетрадиционные инструменты монетарной политики, включая так называемые «вертолетные деньги», целевое рефинансирование и другие перспективные инструменты, а также указывается на целесообразность использования гибридных фискально-монетарных инструментов [38]. Формирование монетарной политики важно привести в соответствие с особенностями современного этапа развития национальной экономики. Следует учитывать, что проводимая независимым центральным банком России денежно-кредитная политика, как свидетельствует российская практика прошедшего десятилетия, не способствовала решению не только проблем экономического роста, но и проблем поддержания устойчивости денежной системы; многочисленная критика его политики скорее указывает на обратное. В связи с этим необходимо радикальное переосмысление традиционных представлений о месте и роли центрального банка России в решении макроэкономических проблем.

Развитие монетарных концепций современного мейнстрима определяется особенностями формирования их парадигмальных рамок. Парадоксальность сложившейся ситуации состоит в том, что, с одной стороны, сторонники данных концепций считают невозможным использование неоклассического подхода к анализу феномена денег; с другой стороны, они исходят из признания неоклассической теории стоимости, хотя вопреки сложившейся неоклассической риторики в рамках этой теории невозможно дать обоснование возникновения рыночной стоимости и цены товаров. В связи с этим в мейнстриме получают распространение разные институционально-экзогенные версии монетарных концепций, которые основаны на использовании неокейнсианской теории, включающей элементы классического и неоклассического подходов.

Возникающая в последние годы новая волна конструирования монетарных теорий свидетельствует о возрастании значимости реализации когнитивного потенциала институционально-эволюционной теории денег Маркса, разработанной в рамках классической парадигмы. Предложенный в соответствии с логикой Маркса подход к изучению монетарных процессов развития экономики ориентирован на переосмотр парадигмальных рамок их видения, исходя из наличия эндогенной связи номинальных и реальных параметров, а также рассмотрения денег как общепризнанного символа некоторой величины выполненной полезной работы и соответствующей части ВВП. Современные вызовы, порождённые пандемией коронавируса и системными проблемами, требуют перехода к новой модели экономической политики, связанной с радикальным разрывом с неоклассическим мышлением и использованием идей классической парадигмы. В связи с этим возникает возможность отказа от представлений о почти всеисильности денежно-кредитных инструментов

и учета особой значимости проведения государством налогово-бюджетной и институциональной политики, ориентированной на формирование соответствующего реалиям справедливого баланса частных и общих интересов.

Литература

1. *Гринберг Р.* Какой будет новая модель экономического развития? // Мир перемен. Международное научно-общественный журнал. 2020. № 2. С. 5–8.
2. *Ефимов В.М.* О двух типах социальных порядков. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 7–25.
3. *Lawson T.* The Constitution and Nature of Money // Cambridge Journal of Economics. Oxford University Press. 2018. Vol. 42. No 3. P. 851–873.
4. *Кирдина-Чэндлер С.Г.* О деньгах и социальных порядках (размышления над статьей В.М. Ефимова) // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 32–42.
5. *Худокормов А.Г.* Новые данные о «третьем кризисе» экономикс // Вопросы политической экономии. 2021. № 1 (25). С. 103–125.
6. *Бирюков В.* Дуалистическая теория стоимости и особенности изучения экономики как сложной системы // Общество и экономика. 2021. № 10. С. 20–40.
7. *Баумоль У.* Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 73–107.
8. *Пирс А.* Теория спроса, рента и суверенитет потребителя // Современная экономическая мысль // М.: Прогресс. 1981. С. 317–358.
9. *Винер Дж.* Концепция полезности в теории ценности и ее критики // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т. 1 // СПб.: Экономическая школа. 2000. С. 78–116.
10. *Reder M.W.* Studies in the Theory of Welfare Economics // New York: Columbia University Press. 1947. 208 p.
11. *Scitovsky T.* Welfare and Competition // London: Allen and Unwin. 1952. 457 p.
12. *Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 101–111.
13. *Эрроу К. Дж.* К теории ценового приспособления // Теория фирмы // СПб.: Экономическая школа. 1995. С. 432–447.
14. *Некпелов А.Д.* Кризис в экономической науке – природа и пути преодоления // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 1. С. 24–37.
15. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // М.: Канон. 1996. 432 с.
16. *Шумпетер Й.* История экономического анализа / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова, в 3-х т. Т. 3 // СПб.: Экономическая школа. 2001. 688 с.
17. *Davis A.E.* Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism // London: Routledge. 2017. 208 p.
18. *Мизес Л. фон.* Теория денег и кредита // Челябинск: Социум. 2012. 808 с.
19. *Huber J.* Sovereign Money. Beyond Reserve Banking // London: Palgrave Macmillan. 2017. 206 p.
20. *Бьерг У.* Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма // М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. 312 с.
21. *Дубянский А.Н.* Государственная теория денег Г. Кнаппа: история и современность // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 109–125.
22. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли // М.: Прогресс. 1968. 600 с.

23. *Humphrey T.M.* Nonneutrality of Money in Classical Monetary Thought // *Economic Quarterly*. 1991. Vol. 77. No. 2. Federal Reserve Bank Richmond. P. 3–15.
24. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. Т. 2 // М.: ЭКОНОВ. 1993. С. 137–424.
25. *Дэвидсон П.* Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // *Вопросы экономики*. 2006. № 8. С. 82–101.
26. *Дубянский А.Н.* Теория денег Маркса: исторический анализ // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 153–169.
27. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. // М.: Политиздат. 1988. 981 с.
28. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Ч. 2. // М.: Политиздат. 1986. 1080 с.
29. *Бурлачков В.* Воспроизводство и монетарная сфера // *Вопросы экономики*. 2009. № 5. С. 129–135.
30. *Маевский В.И.* О базовых предпосылках не-нейтральности денег в экономической теории // *Journal of Institutional Studies*. 2021. Vol. 13. № 1. С. 6–19.
31. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Ч. 1. // М.: Политиздат. 1986. 508 с.
32. *Бирюков В.* Ценности, институты и экономическое развитие // *Общество и экономика*. 2020. № 4. С. 5–24.
33. *Мэнкью Н.Г.* Макроэкономист как ученый и инженер // *Вопросы экономики*. 2009. № 5. С. 86–103.
34. *Дэвидсон П.* Посткейнсианская теория денег и проблема инфляции / Современная экономическая мысль // М.: Прогресс. 1981. С. 398–429.
35. *Харрис Л.* Денежная теория // М.: Прогресс. 1990. 750 с.
36. *Mitchell W., Wray L.R., Watts W.* Macroeconomics // London: Macmillan; Red Globe Press. 2019.
37. *Андрюшин С.А.* Деньги – это творение государства или рынка? (О «современной денежной теории», изложенной в учебнике У. Митчелла, Л.Р. Рея и М. Уоттса «Макроэкономика») // *Вопросы экономики*. 2020. № 6. С. 121–134.
38. *Горюнов Е.Л., Дробушевский С.М., Мау В.А., Трушин П.В.* Что мы (не) знаем об эффективности инструментов ДКП в современном мире // *Вопросы экономики*. 2021. № 2. С. 5–34.

Vitalij Biryukov (e-mail: sciencebv@gmail.com)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Omsk Academy of Humanities
Russian Federation (Omsk, Russia)

PARADIGMATIC FRAMEWORK FOR THE DEVELOPMENT OF MONETARY THEORIES: FEATURES OF FORMATION

The article discusses the features of the formation of the paradigmatic framework for the development of monetary theories. The neoclassical impasse in the development of the theory of value and the paradigmatic limitations of the monetary theories of the mainstream are shown. The specificity of the cognitive potential of K. Marx's institutional-evolutionary theory of money, proposed within the framework of the classical paradigm, is revealed. On this basis, the features of rethinking the paradigmatic

framework for the study of monetary issues in the context of using the ideas of the classical tradition are considered.

Keywords: value theory, money, monetary theory, macroeconomics, classical paradigm, ethics, institutions.

DOI: 10.31857/S020736760018277-3